

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Лирика Вячеслава Иванова

Лирика и драматическое дѣйствіе являются синонимами поэзіи, върѣше двумя ея основными обликами. Современная критика дажно уже отказалась отъ классификаціи «видовъ» и «жанровъ» литературы, поняла, что невозможно дать опредѣленіе романа, поэмы или повѣсти. Упорствуютъ лишь одни формалисты, но духъ поэзіи ускользаетъ отъ нихъ, какъ алтичный Протей отъ слишкомъ ярыхъ своихъ обожителей. Стремясь охватить форму, овладѣть ея тайной, критики этой школы видятъ въ рукахъ своихъ лишь песчинки да ракушки, да горькую морскую пѣну; божество же — не-уловимо, пребывая единымъ во всѣхъ своихъ ликахъ. И это идеальное единство выражается либо дѣйствіемъ, передающимъ ритмъ явленій, раскрывающимъ извѣстный театръ жизни, либо лирической, страстной волною.

Приходится часто читать и слышать о томъ, что Вячеславъ Ивановъ — большой мастеръ, въ совершенствѣ владѣющій формой (какъ будто форму можно механически отдѣлать отъ содержанія), что философскіе его домыслы хоть и туманны, но чрезвычайно значительны; всѣ признаютъ также, что въ исторіи литературы

онъ сыгралъ выдающуюся роль, какъ вождь русскихъ символистовъ. Но мнѣнія эти, столь распространеныя, не имѣютъ прямого отношенія къ исторіи поэзіи. «Заслуги» вождя и учителя — все же заслуги преходящія, философскія построенія не улучшаютъ плохихъ стиховъ и не украшаютъ хорошихъ. Кроме того, слѣдуетъ замѣнить, что самое понятіе — философская поэзія не очень ясно и не вполне убѣдительно. Надлежитъ еще выяснить, что именно понимается подъ философіей (логика, психологія и нѣкое, всеобъемлющее, любознательное?).

Не въ этомъ значительность Вячеслава Иванова. Подобныя мнѣнія возникли изъ непониманія произведеній этого замѣчательнаго лирика, непониманія, слобреннаго холодной почтительностью и благонамѣреннымъ равнодушіемъ.

Лирика Вячеслава Иванова, преобладающая въ его творествѣ надъ началомъ драматическимъ (даже въ «Прометѣѣ» и «Танталѣ»), принадлежитъ не только замкнутому періоду русскаго символизма, но и вѣчнымъ анналамъ искусства. Она исполнена космическимъ эротизмомъ, преобразующимъ міръ, будящимъ древній хаосъ. Силу эту, вѣчно дѣйстви-

ющую въ міръ, эллины называли Діонисомъ, сопредстольнымъ братомъ Аполлона.

Діониса видѣній Вячеслава Иванова принимали часто за нѣкое абстрактное построеніе, за эрудіціонную прихоть эллиниста. Забыто было свидѣтельство Блока (въ статьѣ о символизмѣ), говорившаго о томъ, что онъ видѣлъ такъ же ясно, какъ и явленія «реального» міра, зарницу, вспыхивающую надъ бровями бога-Вакха, постигшаго поэта —

Полу-отрокъ, полу-птица.
Надъ бровями тучъ зарница
Зыблеть гускный персеиѣгъ.

«Многіе держатъ тирсъ, но не многіе одержимы Богомъ», — писать апостоль Павелъ, перефразируя гомерической гимнъ. Одержимость Діонисомъ Вячеслава Иванова — подлинна. И трагична. «Лирика — не развлеченіе, не времяпровожденіе, какъ-то сказать поэтъ одному изъ своихъ друзей, тотъ, кто испыталъ лирическое волненіе, знаетъ, что оно иссушаетъ всѣ силы, преслѣдуетъ, испепеляетъ». Вспомнимъ послѣдніе стихи его «Призыванія Вакха» —

Демонъ зла, иль небожитель,
Дѣлать онъ мою обитель,
Клювомъ грудь мою клюетъ.
Сердце таетъ, воскресаетъ.
Алый ключъ — лѣтъ, лѣтъ.

Вакхическое начало ощущается въ глубинахъ нашего духа. И духъ нашъ воспринимаетъ подъ его знакомъ стихійную жизнь внѣ своего внутреннего міра. Логика не знаетъ что съ нимъ дѣлать, философія въ немъ не нуждается, но поэзія — мертва безъ его при-

сутствія. Объ этомъ душевномъ состояніи нельзя говорить, облекающая свою мысль аллегоріей, гдѣ дважды два — четыре, о немъ повѣствуютъ символы, столь же вѣчные, сколь и сама поэзія. Символы пріоткрываютъ сущность Діониса, приближающіе насъ къ сокровенному, страшному смыслу его явленій. Скрытныи ужасъ раскованной стихіи ощущать до Вячеслава Иванова въ русской литературѣ лишь Тютчевъ —

О, бурь уснувшихъ не буди,
Подъ ними хаосъ шелелится.

И вотъ, не только человѣческой духъ, вся природа кажется поэту исполненной тайными извѣчными силами. Въ мистическомъ экстазѣ сливается онъ съ ними —

И съ вами, кущи дремныя,
Туманные луга, —
Вы, темные, поемные
Парные берега, —

Я слить ночной любовію,
Истомой вѣтерка,
Какъ будто дымной кровію
Моей бѣжить рѣка!

И, рѣя огнесклонами
Мерцающихъ быстринъ,
Я—звѣздный сѣвъ надъ донами
Желающихъ низинъ!

И, полнъ дремой безсонною,
Какъ будто сталь я самъ
Женою темнодонною,
Отверстой небесамъ.

Весь міръ полнится вѣщими голосами, едва слышными человѣческому уху. Кажется, что поэза преслѣдуютъ видѣнія діонисійскихъ празднествъ, чья цѣль — облегчить доступъ въ этотъ міръ

душамъ умершихъ. Всюду слышится мусикійскій вѣщій шорохъ, и если мы порой перестаемъ воспринимать таинственные голоса, то лишь потому, что —

Наше сердце глухо
Наши персты грубы,
И забыли губы
Дуновенье духа.

Но стоитъ только вслушаться въ явления, насъ окружающія и мы постигаемъ ихъ зовы —

Шелестъ роцъ умилньныхъ,
Рокоть вслнъ унылыхъ —
Все доносить милыхъ
Шопоть замогильный.

Подобно тому какъ самъ Діонисъ въ античныхъ мистеріяхъ былъ одновременно богомъ и жертвою (чьи символы — быкъ и двуострая сѣкира), поэтъ, имъ одержимый, получаетъ въ удѣлъ весь міръ и міромъ приносится въ жертву. Въ лунной балладѣ (изъ *Sog Ardens'a*) поэтъ ощущаетъ себя жрецомъ храма Діаны близъ Рима. Латинское преданіе о жрецѣ озера Неми, убивающемъ своего предшественника, чтобы самому пасть отъ меча того, кому суждено его наследовать, Вячеславъ Ивановъ претворилъ въ мнѣ о художникѣ — жрецѣ и жертвѣ.

Тотъ, кого преслѣдуетъ Діонисъ, всегда взволнованъ, ощущая міръ во всей его полнотѣ, во всей его трагической торжественности. Онъ испытываетъ не только радость, но и ужасъ, прозрѣвая сокровенный ликъ. Въ экстаическихъ строфахъ «Менады» чувствуется, что еще не много и смерть поразитъ дерзающаго —

...Такъ и ты, встрѣчая бога,
Сердце, стань...
Сердце, стань...
У послѣдняго порога,
Сердце, стань...
Сердце, стань...

Поэтъ бѣжитъ предъ Діонисомъ — «какъ тѣнь коня предъ колесницей», но сама гибель сладка, но сама гибель — перерожденіе. Боль экстаза переходитъ въ восторгъ—

И вотъ — на крутизнѣ стою,
Пустынный дубъ, широкошум-
ный;
Полу-сожженъ, дремлю, пою,
Цѣлюсь съ молніей безумной

Діонисъ — безжалостенъ, но безъ его сошествія творчество, казалось, — невозможно. И тѣмъ удивительнѣй было для знатоковъ и любителей поэзіи Вячеслава Иванова его «отреченіе» отъ боговъ древней Греціи, написанное послѣ того какъ въ Баку, въ 1923 году, появилось большое его изслѣдованіе — «Діонисъ и Прадіонисійство», — надъ которымъ онъ работалъ около тридцати лѣтъ.

«Отреченіе» это дошло до насъ въ списокѣ. Кажется, порой, что вернулись мы къ среднимъ вѣкамъ, когда стихи поэтовъ распространялись въ рукописныхъ изданіяхъ. Я беру на себя смѣлость писать о неизданныхъ произведеніяхъ автора, скрывающагося въ италійской глуши, и даже привести въ моей статьѣ нѣкоторыя новыя его стихотворенія, безъ которыхъ намъ не были бы понятны пути его творчества.

Итакъ, поэтъ діонисійскихъ восторговъ, ученый, проникшій въ тайны античныхъ мистерій, написалъ покаянную пѣснь — Пали-

нодію, уединясь въ предгорьяхъ
новой Фиваиды —

И твой гимедскій медь ужель
меня пресытилъ?

Изъ рощи миртовой кто твой
кумиръ похитилъ?

Иль въ вѣщемъ ужасѣ я самъ
его разбилъ?

Ужели я тебя, Эллада, разлю-
билъ?

Но, духомъ обнищавъ, твоей не
зналъ я ласки;

И жутки стали мнѣ души не-
движной маски,

И тѣлъ надменныхъ свѣтъ, и
думъ эвклидовъ строй.

Когда-жь, въ урочный часъ, ра-
зымчивой игрой

Подземныхъ флейтъ оживъ, ли-
чины полой очи

Мятежную тоской неукротимой
ночь,

Какъ встарь, исполнились, — я
слышалъ съ неба зовъ:

«Покинь, служитель, храмъ ук-
рашенный бѣсовъ».

И я бѣжалъ, и ѣмъ въ пред-
горьяхъ Фиваиды

Молчанья дикій медь и жесткия
акриды.

И въ отвѣтъ на terror Anti-
quus, на разымчивую игру діони-
сійскихъ флейтъ, въ душѣ поэта
прозвучало — Ave Roma! Слава
Риму, спасающему своей строгой
стройностью отъ вакхическаго мя-
гежа, отъ мистическихъ оргій Во-
стока. Потряслись основы гума-
низма и европейской культуры
(вспомнимъ «Переписку изъ двухъ
угловъ»), но катастрофы свидѣ-
тельствуютъ о полнотѣ временъ,
о грядущемъ торжествѣ Града Бо-
жьяго. Въ уединенъ избранные
возвѣщаютъ — De Civitate Dei.

Вячеславъ Ивановъ пишетъ

римскіе сонеты. Всѣ пути ведутъ
въ Римъ. Одинъ изъ его титуловъ
— Regina Viarum. Напрасно по-
этъ думалъ нѣкогда, что возмо-
жно избѣжать егѣ чаръ, отвергнуть
имъ возвѣщенные истины. Онъ
снова возвратился въ Вѣчный Го-
родъ. Въ одномъ изъ сонетовъ
такъ обращается онъ къ знамени-
тому источнику Треви —

О, сколько разъ, бѣглець не-
вольный Рима,

Съ молитвой о возвратѣ въ
часъ потребный

Я за плечо бросалъ въ тебя мо-
неты!

Свершились договорные обѣты:
Счастливаго, какъ днесъ, фон-
танъ волшебный,

Ты возвращалъ святынямъ пи-
лигрима.

И въ то время какъ продолжа-
ются «ристанья на мировомъ ин-
подромѣ» и за осью ломается ось
у предѣльной меты, среди всѣхъ
потрясеній и всѣхъ пожарищъ
одинъ Римъ пребываетъ велича-
вымъ зрителемъ. Уже не первую
катастрофу видитъ онъ. Рушилась
Троя, нынѣ пылаетъ Россія. Въ
Римѣ, по свидѣтельству Виргилія,
возродилась Троя, въ немъ — за-
логъ будущихъ обновленій. До-
стигнутому поворотной меты, от-
крывается новый путь въ столя-
цу христіанскаго міра —

Вновь арокъ древнихъ вѣрный
пелигримъ.

Въ мой поздній часъ вечернимъ
Ave Roma,

Привѣтствую, какъ сводъ род-
ного дома,

Тебя, скитаній пристань, вѣчный
Римъ.

Мы Трои предковъ пламени дари́мъ;
 Дробятся оси колесницъ межъ грома
 И фури́й мірового ипполрома:
 Ты, царь путей, глядишь, какъ мы горимъ.

И ты пылалъ — и возставалъ
 изъ пепла,
 И памятливая голубизна
 Твоихъ небесъ глубокихъ не ослѣпла.

И помнить въ ласкѣ золотого сна,
 Твой вратарь, кипарисъ, какъ
 Троя крѣпла,
 Когда лежала Троя сожжена.

Тамъ, гдѣ нѣкогда Гоголь создавалъ свою кошмарную поэму о Россіи, гдѣ Александръ Ивановъ зарисовывалъ видѣнія, его мучившія, средь узкихъ улицъ и просторныхъ площадей царственнаго Града, Вячеславъ Ивановъ переживалъ новыя откровенія, претворяя ихъ въ стихи — совершенные, ясные, слегка печальные, какъ спокойные римскіе вечера. Преходящіе земные образы, памятники древности и сама природа показались поэту неизмѣнными, вѣчными. Бароккные фонтаны и тяжеловѣсные монументы поздняго Ренессанса перестали свидѣтельствовать о прихотахъ Сеісенто и Settescento, слились съ классической стариною, приобрѣли въ его глазахъ античную торжественность. Фонтанамъ Рима посвящены нѣсколько сонетовъ этого цикла, гдѣ ясность сочетается съ умиротворяющей меланхоліей. —

Одинъ изъ этихъ сонетовъ — П Tritone — кажется, наиболее сильно передаетъ душевное это расположеніе —

Двухстворку на хвостахъ клубокъ дельфиній
 Разверстой вынесъ; въ ней рас-
 тетъ Тритонъ,
 Трубить въ улитку; но не зыч-
 ный тонъ,
 Струя лучомъ пронзаеъ воз-
 духъ синий.

Средь знойнѣи, зовущихъ об-
 лакъ виній,
 Какъ зелень мха на демонѣ хи-
 тонъ!
 Съ природой сложъ рѣзца ста-
 ринный сонъ
 Стихійною причудливостію ли-
 ній.

Бернини, — снова нашъ — тво-
 ей игрой
 Я веселюсь, отъ Четырехъ Фон-
 тановъ
 Бредя на Пянчю памятной го-
 рой,

Гдѣ въ келью Гоголя входилъ
 Ивановъ,
 Гдѣ Пиранези огненной иглой
 Пѣлъ Рима грусть и зодчество
 Титановъ.

Царственность Рима, понстинъ — въ изобильѣ воды. Это полно-
 водье ощущается какъ избытокъ жизненныхъ силъ, какъ пре-
 избытокъ благодати. И всѣмъ фон-
 танамъ Града счастливый и груст-
 ный поэтъ слагаетъ раздѣренный
 гимнъ, чей восторгъ стѣсненъ ро-
 манской стройностью сонета —

Пѣлъ Пиндаръ лебедь: «Нѣтъ
 подъ солнцемъ блага
 Воды милѣй». Бѣжитъ по жи-
 ламъ Рима,
 Склоняемъ акведуковъ съ
 горъ гонима,
 Издревле родниковъ счастья-
 выхъ влага.

То плещеть звонко въ кладязь
саркофага;

То бьеть въ лазурь столбомъ и
вдаль, дробима,

Прохладу зыблетъ; то, неукро-
тима,

Потоки рушить съ мраморнаго
прага.

Ея журчаньемъ узкій переулочъ
Волшебнo оживленъ; и хорово-
ды

Окрестъ нея ведутъ морскіе бо-
ги.

Рѣзецъ собралъ ихъ. Сонные
чертоги

Пустынно внемлютъ, какъ игра-
ютъ воды,

И сладостно во мглѣ ихъ го-
лось гулокъ.

На ряду съ вакхическими от-
кровеніями, въ лирикѣ Вячеслава
Иванова ощущалось всегда иное,
торжественно-умиротворенное на-
чало. Порой даже казалось, что въ
величавомъ этомъ ладѣ — вся его
поэзія. Вспомнимъ стихотвореніе
изъ *Cor Ardens'a*, посвященное
Валерію Брюсову (*Mi fur le Serpi
amiche*. — *Int: XXV, 4*).

Ужъ я топчу верховный снѣгъ
Алмазной дѣвственной пустыни.
Подъ синью траурной святыни;
Ты, въ знойной мглѣ, гдѣ духъ
попыни,
Сбираешь яды горькихъ нѣгъ.

Непріятіе міра, люциферическія
устремленія Брюсова Вячеславъ
Ивановъ ощущалъ какъ низшія
ступени духовной лѣстницы, неми-
нуемая, но и преодолимая. Все-
же, его величавое совершенство,
его алмазная пустыня, подъ синью
траурной святыни не были радост-
ны. Самъ поэтъ въ тѣ времена, ко-

нечно, не согласился бы съ этимъ
домысломъ и указалъ бы на слѣ-
дующую строфу того-же стихо-
творенія —

И я былъ рабъ въ узлахъ змиѣ,
И въ корчахъ звалъ клеймо
укуса;

Но огнь послѣдняго искуса
Заклялъ, и солнцемъ Эммауса
Озолотились дни мои.

Надлежитъ также привести за-
мѣчательное его стихотвореніе
«Путь въ Эммаусъ»; но какъ по-
нять страшное это обращеніе къ
Брюсову —

Какъ День, ты повой мукой мо-
лодь;

Какъ Ночь, стара моя печаль.

И пусть «въ отрѣшенный хо-
лодъ крестилась дышущая сталь»
его души, онъ былъ тогда еще
самъ во власти праматери Ночи,
прадіонисійскаго божества, требу-
ющаго человѣческихъ жертвъ.

Въ гениальной трагедіи «Тан-
талъ», до сихъ поръ не понятой
и не оцѣненной, поэтъ вообразилъ
судьбу полубога, достигша-
го предѣльнаго благополучія, до-
ступнаго земнороднымъ... и пре-
сытившагося. Въ первомъ дѣйст-
віи мы видимъ царя Тантала на
титаническомъ престолѣ, высѣчен-
номъ въ дикой скалѣ. Онъ ви-
дитъ — у ногъ его простираются
его обширныя владѣнія. Охвачен-
ный скорбью всеобладанія, жалу-
ется онъ божественнымъ нич-
фамъ —

Отъ Зевса, дѣвы, зачала мени
Плуту

И — первенецъ — я на сосцахъ
Обильной спалъ.

Зовусь: Избытокъ; и слыву: Бо-
гачество.
Безсмертнмъ я содружникъ. И
какой бы даръ
Измыслилъ мнѣ Кронсъ? Не-
божителей
Блаженнѣй, дѣвы, Танталъ... и
печальнѣе.

Чего бѣ алкалъ я, тѣмъ я сытъ.
За чѣмъ бы длань
Простеръ, — на лонѣ. И наречъ
безсилень духъ,
Чего, незрячій, волить въ не-
сказанной тѣмѣ —
Отъ исполненья гладень, отъ
избытка тощъ,
Нищъ — невозможнымъ, совер-
шеннымъ — пресыщенъ.

Оскорбленный преизбыточностью небожителей Танталъ хочетъ стать солнцемъ, не получать отъ боговъ, озарять ихъ. Въ богоборческомъ бунтѣ увлекаетъ онъ своихъ свойственникововъ: царей Иксиона и Сизифа. Но боги низвергаютъ мятежниковъ въ Тартаръ. Въ послѣднемъ дѣйствиі раскрывается: «темное видѣніе висящаго во воздухъ Тантала. Обѣими руками онъ поддерживаетъ нижній край огромной погухшей сферы»

Танталъ, гдѣ твое солнце? гдѣ...
Темной окаменѣвъ громадой
Повисло тяжко,
Тебя подавивъ, твое темное
солнце

И рухнуть грозить
На тебя твое мертвое солнце...

Тогда надъ первомученниками античнаго ада — Танталомъ, Сизифомъ, Иксиономъ — слышится вѣщій, безсвязный шопоть судьбы: —

Изъ солнца—солнце. Горе солн-
цу! Богъ боговъ
Родилъ. Померкъ родившій...
Я была твоей.

Помнота обладанія всѣми сокровищами міра показала се поэту трагически несовершенной —

Отъ исполненья гладень, отъ
избытка тощъ,
Нищъ — невозможнымъ, совер-
шеннымъ — пресыщенъ.

Со временемъ Вячеслава Иванова перестало удовлетворять горделивое сознанье того, что онъ достигъ классическихъ вершинъ искусства, что горизонтъ его раздвинуть, что онъ видитъ дали, недоступныя его сверстникамъ, будь то Брюсовъ или иные посвященные, собирающіе «яды горькихъ нѣтъ» въ тѣснинахъ русскаго модернизма. Онъ отвергъ также путь богоборческаго, нитшеанскаго бунта, понявъ, что человекъ не можетъ стать солнцемъ, сколь ни стремился бы онъ къ полногѣ, и сколь близко отъ нея ни былъ. Оставалось единое прибѣжище— вакховъ буйный хмѣль, восторгъ мусикійскаго самозабвенья.

И вотъ, уже послѣ войны и революціи, подъ авзонійскими небесами, поэтъ обрѣлъ вождедѣнную солнечную ясность, ибо исполнились сроки и отступили искушенія. И если онъ въ своей Палинодіи отказался отъ діонисовыхъ танцствъ, онъ не отвергъ Аполлона (стихи: «и тѣль надменныхъ свѣтъ и думъ эвклидовъ строй» — отражаютъ сіянье не дневногъ бога, но вечернягъ Люцифера). Въ совершеннѣйшемъ стихотвореніи римскаго цикла—Monte Pincio—умиротворенность и ясность его

духа нашли себѣ полное выраже-
ніе —

Пью медленно медвяный солн-
ца свѣтъ,
Густѣющей, какъ долу звонъ
прошальный;
И свѣтель духъ печалью без-
печальной,
Весь полнота, какой названья
нѣтъ.

Не медомъ ли воскресшихъ,
полныхъ лѣтъ
Онъ напоенъ сей кубокъ Дня
вѣчный?
Не Вѣчность ли свой перстень
обручальный
Простерла Дню за гранью зри-
мыхъ метъ?

Зеркальному подобна морю сла-
ва
Огнистаго небснаго расплава,
Гдѣ таетъ дискъ и тонетъ ис-
полинъ.

Ослѣпшими перстами лучъ ощу-
паль
Верхъ пинія, и глазъ потухъ.
Одинъ
На золотѣ круглѣтъ синій ку-
поль.

Полнота отнылѣ ощущается по-
этомъ какъ даръ вѣчности, какъ
достояніе свободы, исключаящей
всякое богоборчество. Въ рав-
немъ своемъ стихотвореніи, по-
священномъ Владимиру Соловье-
ву, поэтъ внемлетъ голосу самой
Красоты (божества платоническа-
го міра), вѣщающей

«Радостно по цвѣтоносной Гей,
Я иду, не вѣдай-куда;
Я служу съ улыбкой Адрастеѣ,
Благосклонно - дѣвственно - чу-
жда.

Я ношу кольцо,
И мое лицо

Кроткій лучъ таинственнаго Дах.

Нынѣ сама вѣчность простерла
свой обручальный перстень пре-
ходящему дню поэта. Красота бо-
лѣе не нуждается въ кольцѣ Ад-
растен. И даже тогда, когда скры-
вается дневной Аполлонъ, на зо-
лотѣ вечерняго неба круглѣтъ
символъ вѣчности — синій куполъ
св. Петра.

Не станемъ оспаривать или за-
щищать католическія умонастрое-
нія Вячеслава Иванова. Критикъ
долженъ возстановить внутренний
міръ поэта, единственный, непо-
вторимый. И онъ вправѣ отложить
всѣ инья попеченія.

Лишь у глубоко второстепен-
ныхъ авторовъ первая книга —
лучшая. «Война и Миръ» зрѣлѣе
«Казаковъ», «Буря» — совершен-
нѣйшее произведение Шекспира,
послѣднія трагедіи Корнеля, не-
понятны вѣкомъ, оклеветанны
степеннымъ Буало, открываютъ
намъ тайны творчества француз-
скаго поэта полнѣе, чѣмъ его по-
дражательный «Сидъ». Путь Вя-
чеслава Иванова — путь совер-
шенствования и восхождения. Пер-
вая книга поэта — «Кормчія звѣ-
ды» уступаетъ во многомъ *Сог*
Ardens'y, «Прозрачности» и «Нѣ-
жной Тайнѣ», ибо въ раннихъ
стихахъ Вячеслава Иванова мыслъ
не всегда претворена въ фантаз-
мы, не всегда оправдана лириче-
скимъ волненіемъ. Но съ тѣхъ
поръ какъ отшельника сѣверной
Башни постигъ неистовый Діо-
нисъ — до ясныхъ римскихъ от-
кровеній, Аморгъ — поводиры по
этовъ — вель его, какъ пѣкогда
Петрарку — «del pensier al pen-
sier e del monte al monte».

Къ сожалѣнню, произведенія Вячеслава Иванова послѣдняго періода намъ почти что недоступны. Мнѣ случилось ознакомиться, по рукописи, до меня случайно дошедшей, съ замѣчательнымъ его лирическимъ цикломъ — «Человѣкъ», свидѣтельствующемъ о единствѣ людского рода, о древнемъ и новомъ Адамѣ-Кадмонѣ, но я не смѣю говорить подробнѣе

объ этой поэмѣ, столь важной для пониманія духовнаго пути поэта, руководствуясь лишь первоначальнымъ, поверхностнымъ впечатлѣніемъ. Появленія въ печати новыхъ стихотвореній Вячеслава Иванова мы ожидаемъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

17 Илья Голенищевъ-Кутузовъ.

Кризисъ совѣтской философіи

1.

Кризисъ совѣтской философіи? Можно ли говорить о «кризисѣ» псевдо-культурнаго явленія? Объ «упадкѣ» или «разложеніи» псевдо-бытія? Вѣдь, какъ мы имѣли случай показать*), «совѣтская философія» есть именно такое «псевдо-бытіе», отдѣльные теченія совѣтской философіи доводятся даже до отрицанія за философіей права на существованіе, большинство совѣтскихъ философовъ во всякомъ случаѣ отрицали наличность какого-либо самостоятельнаго объекта философскаго изслѣдованія. Болѣе того — не только тенденціи отдѣльныхъ — болѣе или менѣе влиятельныхъ — теченій совѣтской философіи являются по существу антифилософскими, но и самый «стиль» работы совѣтскихъ философовъ глубоко враждебенъ для

всякой истинной философіи основанному нафосу — духу свободнаго исканія, являющемуся предпосылкой возможности философіи вообще. Философская совѣтская литература должна была быть признана въ значительной своей части антифилософскою именно потому, что свою основную задачу она видѣла огульно не въ исканіи правды, а, считая, что правда уже въ готовомъ, завершеномъ, законченномъ видѣ дана въ произведеніяхъ «основоположниковъ марксизма», свою задачу ограничивала комментированіемъ этихъ произведеній. «Гранитные устои» философской теоріи принимались данными напередъ, и, такимъ образомъ, основная философская работа, задача всякой «*prima philosophia*» — отланіе себѣ «послѣдняго отчета» въ предпосылкахъ философіи, работа ихъ критическаго разсмотрѣнія и провѣрки — напередъ объявлялась ненужною и даже зловред-

*) «Совѣтская философія». «Современныя Записки». 1927, кн. 33, стр. 481 - 501.